

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27

EDN: VGHVXC

Экспликации усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье идет речь о «Круге чтения» как итоговой книге Л. Н. Толстого, ставшей своеобразной заповедью писателя о мудрой, правильной и радостной жизни. При внимательном рассмотрении «Круг чтения» выступает не просто как компиляция, но как глубокий и продуманный труд со значительной долей собственно толстовских текстов, стройной поэтической системой. Представляя краткую творческую историю «Круга чтения», автор статьи отдельное внимание уделяет рассуждениям и впечатлениям писателя о готовящейся им книге, отмечает, что для самого Толстого она была источником мыслей о жизни и смерти, искоренении зла в людях, работе и правильном отдыхе, чуткости во взаимоотношениях, связанности всего живого. Особенностью «Круга чтения» является отсутствие в целом сборника той силы отрицания, которая нередко появлялась в поздней публицистике Толстого: книга максимально обращает читателя к духовной жизни, позволяя оценить все проявления внешнего мира лишь как поверхность настоящего пути, уходящего в вечность. Иллюстрируется стройность концепции книги на примере анализа образов дома, дачи и усадьбы, показывается, с какими темами и проблемами современной Толстому жизни они рифмуются. Образы усадьбы, усадебной жизни, дачи, дома встречаются в «Круге чтения» в нескольких записях и находят реализацию в трёх рассказах, относящихся к недельным чтениям: «Душечка» (А. П. Чехова), «Первое горе» (Л. А. Авилова), «Ягоды» (Л. Н. Толстой). В статье последовательно анализируются указанные произведения, а также метафоры, связанные с образом дома и усадьбы, встречающиеся в книге. Показанные в деталях и со знаковыми подробностями истории любви Душечки, примеры полусюжного отношения господ к своим слугам в книге Толстого поддерживают и выражают общее противопоставление настоящей жизни по Божественным законам и исключительно утилитарного существования, измеряемого достатком и материальным положением.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; «Круг чтения»; усадьба; дом; дача; авторская концепция; преобразование; женская судьба; господа и слуги

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Экспликации усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 17–27. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27>. <https://elibrary.ru/VGHVXC>

Original article

Explications of the estate and dacha topoi in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher at the Gorky Institute of world literature, RAS. 121069, Moscow, Povarskaya St., 25a

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article deals with A Calendar of wisdom as Leo Tolstoy's last book, which became the writer's commandment to a wise, correct and joyful life. A closer look at A Calendar of wisdom shows that it is not just a compilation, but a deep and thoughtful work with a significant proportion of Tolstoy's own texts and a coherent poetic system. Presenting a brief creative history of A Calendar of wisdom, the author of the article pays special attention to the writer's thoughts and impressions about his forthcoming book, noting that for Tolstoy himself it was a source of thoughts about life and death, the eradication of human evil, about work and proper rest, sensitivity in relationships, and interconnections of all living things. A peculiarity of A Calendar of wisdom is a lack of the force of negation that often

appeared in Tolstoy's later essays: the book turns the reader mostly to spiritual life, allowing one to regard all manifestations of the world outside only as the surface of the genuine path that goes on into eternity. The author illustrates the coherence of the book's concept by analyzing the images of the house, the dacha and the estate, and shows what themes and problems of Tolstoy's contemporary life they rhyme with. Images of the estate, country life, dachas, houses are found in A Calendar of wisdom in several entries and are realized in three stories related to weekly readings: «Darling» (A. P. Chekhov), «The First Grief» (L. A. Avilova), «Berries» (L. N. Tolstoy). The article consistently analyzes these works, as well as metaphors associated with the image of the house and the estate in the book. Detailed descriptions of Darling's love stories and the examples of the polar attitude of masters towards their servants in Tolstoy's book support and express the general opposition of real life according to Divine laws and an exclusively utilitarian existence, measured by prosperity and financial position.

Key words: L. N. Tolstoy; A Calendar of wisdom; estate; house; dacha; author's concept; transformation; women's fate; masters and servants

The study was carried out at the IMLI RAS at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V. G. Explications of the estate and dacha topos in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):17–27. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27>. <https://elibrary.ru/VGHVXC>

Введение. «Круг чтения» как итог позднего творчества Л. Н. Толстого

«Круг чтения» Л. Н. Толстого стал для самого писателя одной из дорогих и важных книг, заключительным аккордом педагогических опытов и публицистических воззваний, финальной проповедью о значимости духовной жизни и само совершенствования. Замысел книги, подобной «Кругу чтения», возник у Толстого еще в 1884 г., но работа была отложена почти на двадцать лет. В 1903 г. Толстой составил сборник «Мысли мудрых людей на каждый день», однако сразу же после выхода книги принялся за ее переработку, и она быстро переросла в план о новом труде, который в дневниках и письмах часто именовался писателем «календарем».

Исследователи творчества Толстого справедливо говорят об оригинальности данной книги, которая, на первый взгляд, является собранием размышлений мудрых людей, о чем сообщает и полное ее название: «Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении», однако при внимательном рассмотрении выступает не просто как компиляция, но как глубокий и продуманный труд со значительной долей собственно толстовских текстов, стройной поэтической системой.

В данной статье мы обратимся к образам *дома, дачи и усадьбы* в «Круге чтения», постараемся показать, какое место занимают они в общем собрании мыслей, с какими темами и проблемами современной Толстому жизни рифмуются. Однако сначала кратко остановимся на характеристике всего труда Толстого. С. Ю. Николаева справедливо отметила, что «Круг чтения» созда-

вался «в диалоге» (в широком смысле слова) со всем миром литературы [Николаева, 2019, с. 41]. Если вспомнить сложный и развернутый полилог русских романистов второй половины XIX в., который велся в скрытой, свернутой форме [Андреева, 2016, с. 382], и сравнить его с «Кругом чтения», то можно с уверенностью сказать, что последний не уступает по объему рифмующихся тем, идей и образов целым группам романов. Толстой смог объединить в «Круге чтения» во едино различные точки зрения писателей и мыслителей, но подчинить их при этом собственным целям, вписать в свою авторскую концепцию. И. Ю. Лученецкая-Бурдина справедливо отметила, что в поздний период творчества Толстой ставил перед искусством особые задачи, «не ограничивался чисто литературными занятиями, но стремился создать универсальное мировоззрение, которое для человечества стало бы нормой жизненного поведения» [Лученецкая-Бурдина, 2001, с. 29].

Главная задача книги Толстого – преображение человека, иллюстрация ложности исключительно приземленного, утилитарного представления о жизни. «Круг чтения», по задумке автора и составителя, был предназначен для ежедневного обращения читателя к важнейшим смыслам бытия, его поворота в сторону добра, любви, созидания.

Этапы работы Л. Н. Толстого над сборником мудрых мыслей

В Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах комментарии к «Кругу чтения» написаны Н. Н. Гусевым. А в 1907–1908 гг. Н. Н. Гусев, находясь при Толстом в качестве секретаря, мно-

го помогал писателю в переработке и редактировании книги. Основная работа по написанию «Круга чтения» велась летом и осенью 1904 г., однако спустя два года Толстой приступил к редактуре некоторых мест, которая проходила на глазах Н. Н. Гусева: «Ежедневно прочитывая „Круг чтения“, Толстой видел неудовлетворительность изложения отдельных включенных в него мыслей, и у него уже в 1907 г. явилось желание вновь проредактировать любимую книгу. К исполнению этого замысла он приступил 17 августа 1907 г.» [Гусев, 1957, с. 577]. В новой редакции «Круга чтения» увеличивалась доля собственно авторского текста и во многом приглушалась форма повелительных наставлений, выражающих правила поведения.

Можно сказать, что работа Толстого над «Кругом чтения» продолжалась с лета 1904 г. и велась фактически до 1908 г., когда все корректуры нового, уже доработанного издания, были подписаны к печати. Однако писатель так и не дождался его выхода в свет. В 1910 г. вышло второе издание в первой редакции, а новое издание было арестовано. На протяжении работы с Толстым издатель «Круга чтения», И. И. Горбунов-Посадов, предлагал многочисленные правки и сокращения, необходимые для цензурного прохождения книги, однако все эти меры помогали мало: 8 ноября 1911 г. над И. И. Горбуновым-Посадовым состоялся суд, по решению которого издатель был признан виновным и приговорен к году заключения.

Между тем, Толстой очень ждал выхода последней редакции «Круга чтения». Его дневники и письма 1900-х гг. показывают, что сначала писатель сомневался в востребованности и преобразующей силе своей книги. 5 ноября 1904 г. он записал в дневнике: «Всё занят „Кругом Чтения“. В достоинстве сомневаюсь. Скорее склоняюсь думать, что плохо» [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 99]. Однако по мере завершения труда Толстой убеждался в его значимости: «Начал исправлять старый „Круг Чтения“. И оказалось работы больше, чем думал, и работа не дурная» (31 января 1908 г.) [Толстой 1928–1958, т. 56, с. 95]. Н. Н. Гусев отмечает, как радовали писателя положительные отзывы о его книге и внимание к ней. «За обедом г-жа Ферре, жена смоленского вице-губернатора, сказала Льву Николаевичу, что ее отец, сенатор Зиновьев, бывший тульский губернатор, каждый день читает „Круг чтения“. Льва Николаевича это очень тронуло» [Гусев, 1973, с. 188].

После завершения работы над книгой Толстой часто обращался к ней и прочитывал тексты за определенные дни. Для писателя «Круг чтения» был источником мыслей о жизни и смерти, искоренении зла в людях, работе и правильном отдыхе, чуткости во взаимоотношениях, связанности всего живого и т. д. В «Круге чтения» рассуждения лишены той силы отрицания, которая нередко появлялась в его поздней публицистике: эта последняя книга Толстого максимально обращает читателя к духовной жизни, позволяя оценить все проявления внешнего мира лишь как поверхность настоящего пути, уходящего в вечность. «Цель жизни – исполнение закона Бога, а не приобретение знаний», – отмечает Толстой (27 июля) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 533].

С. Ю. Николаева считает, что «Толстой писал не хрестоматию, а книгу для чтения, при этом опираясь на серьезную традицию, то есть решал не дидактическую, а именно литературную задачу. <...> Толстой и на позднем этапе своей творческой эволюции оставался писателем, художником, который мыслит образами» [Николаева, 2019, с. 42].

Записи Толстого позволяют оценить не только огромный объем проделанной им работы, но и увлеченность писателя, скрупулезность при отборе материала. Толстой много работал над «Кругом чтения», преодолевая различные недуги, с которыми он боролся в последнее десятилетие. Так, 1 сентября 1904 г. писатель отметил в дневнике: «Третий день болит живот. Всё это время переводил и читал для „Круга Чтения“ и написал предисловие. Работа подвигается, но очень ее много» [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 85]. И получилось так, что строки «Круга чтения» стали последним отрывком из произведений самого Толстого, которые он читал и слышал: именно эта книга была на столике у умирающего писателя. Фрагменты из нее стал вслух читать Толстому В. Г. Чертков. А. Б. Гольденвейзер рассказывает, как находящийся в полубреду болезни Толстой пытался что-то диктовать, а потом прочитать продиктованное. Но никто из присутствующих не мог зафиксировать бессвязных слов Толстого и, соответственно, прочитать их. Тогда А. Л. Толстая придумала читать отцу «Круг чтения»: «Владимир Григорьевич (Чертков – В. А.) раскрыл лежавший у Л. Н. на столике том „Круга чтения“ и стал читать мысли на пятое ноября. Л. Н. сразу успокоился и стал тихо слушать, даже иногда спрашивая: „Чье это?“» [Гольденвейзер, 2002, с. 624].

«Круг чтения» можно считать своеобразным заветом Толстого, смогшего показать, что земная правда относительна, что слова мудрецов хороши в дополнении друг друга, что только Божественная правда и жизнь по Божественным законам высшей любви являются истинной целью. С. Ю. Николаева точно отметила, что «концепция жизненного пути человека, концепция цикла земной человеческой жизни приобретает структурообразующее значение в толстовской книге» [Николаева, 2019, с. 43]. Непреходящее значение «Круга чтения» проявляется еще и в том, что у писателя получилось очень емко и лаконично соединить обыденное и возвышенное, при внимании к несправедливостям общества и окружающей действительности показать высшую радость, о которой часто забывают люди.

Параллелизм образов: героиня и дом в рассказе «Душечка»

Образы *усадебной жизни, дачи, дома* встречаются в «Круге чтения» в нескольких записях и находят реализацию в трёх рассказах, относящихся к недельным чтениям: «Душечка» (А. П. Чехова), «Первое горе» (Л. А. Авилова), «Ягоды» (Л. Н. Толстой).

В записи «Недельное чтение» за период с 27 мая по 2 июня Толстым помещен рассказ А. П. Чехова «Душечка», который, по воспоминаниям современников, Толстой очень любил и прекрасно читал вслух. При определении рассказа в «Круг чтения» Толстой убрал из чеховского текста два фрагмента. Первое исключение касается упоминания о шее и полных плачах главной героини, которые видит Кукин после венчания. По всей видимости, эта несколько натуралистическая и интимная подробность показалась Толстому излишней – она могла нарушить пропорции между внешней стороной жизни героини и ее внутренним миром. По этим же соображениям, скорее всего, исключено было из рассказа описание сна Оленьки, которой виделись «целые горы досок и теса, длинные бесконечные вереницы подвод, везущих лес куда-то далеко за город...» [Чехов, 1986, т. 2, с. 297]. Для Толстого сны героев были слишком важны в духовном плане, а у Чехова описание сна героини связано с конкретным этапом жизни и внешними делами на лесном складе.

Произведенные Толстым небольшие сокращения не умили выразительной силы рассказа Чехова. Однако «Душечку» читатели воспринимали и продолжают воспринимать очень по-

разному. Издатель «Круга чтения», И. И. Горбунов-Посадов даже возмущался по поводу включения этого рассказа Чехова в книгу Толстого, считая, что если и помещать «Душечку» в «Круг чтения», то рядом нужно представлять иной, противоположный пример «истинной жены, сознательного друга-товарища и сотрудника мужа» [Гусев, 1957, с. 610].

Толстой мыслил иначе, он воспринимал главную героиню рассказа исключительно как положительный образ. Для прояснения своей точки зрения он поместил в «Круге чтения» после рассказа послесловие, в котором отметил верность и художественную правду «Душечки». По словам Толстого, Чехов во время написания произведения мог находиться под удивительным недоразумением «женского вопроса», может быть, хотел посмеяться над жалким существом главной героини, однако во многом бессознательно вышел к прославлению женщины, силы ее жертвенной любви: «Он, как Валаам, намеревался проклясть, но Бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 377].

Чехов сочетает в рассказе представление лучших женских качеств (заботы, самоотдачи) с иронией по отношению к Оленьке: «В Великом посту он уехал в Москву набирать труппу, а она без него не могла спать, всё сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 365]. «Душечке» предшествуют рассуждения о женщине, объединенные в «Круге чтения» под датой 2 июля (большинство из них принадлежит самому писателю). Эти заметки перекликаются с рассказом Чехова, гармонично завершаются и иллюстрируются им. А тезисные выводы Толстого о женщине и ее роли в жизни позволяют и лучше понять рассказ Чехова. Толстой подчеркивает главную функцию женщины – рождение и первое воспитание детей, в которой она не должна изменять себе. К контексте усадебной темы нам важнее запись от 2 июля под цифрой 2: «Женщина, мать семейства, которая не умеет быть счастлива дома, не будет счастлива нигде» (кур-

сив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 361].

В художественном мире рассказа Чехова, помещенном в «Круге чтения», актуализируется тема дома и связи с ним женщины – домоседки, хозяйки. По всей видимости, убирая из текста сон Оленьки о досках, Толстой стремился к устранению малейших намеков героини на рост благосостояния: заботы о доходах Душечка только повторяет за своими мужчинами, но в ее женские сны не должны были прокрадываться образы мужского дела, связанного исключительно с прибылью.

Все изменения, происходящие с героиней в рассказе, совершаются в ее доме. В начале повествования мы видим Оленьку у себя во дворе на крылечке. И все мужчины главной героини каким-либо образом связаны с ее домом: Кукин квартировал во флигеле, как и ветеринарный врач Смирнин, а Василий Андреич Пустовалов, встретив возвращавшуюся после обедни Оленьку, довел ее до калитки, то есть до самого дома. Встречая приехавшего с женой и сыном в город Смирнина, Оленька *отдает семье Смирниных свой дом*, ничего не прося за постой, я сама переселяется во флигель. По словам К. Д. Гордович, у Чехова «дом – это не только место обитания, но и то, чем владеют, показатель материального положения и интересов. <...> Главное внимание уделяется не внешнему виду, а отношению героев к своим жилищам. По ходу повествования выявляется то, хорошо ли они чувствуют себя дома, насколько им комфортно, тянет ли домой» [Гордович, 2012, с. 28].

Образ старого наследственного дома Племянниковых, владелицей которого становится Оленька, приобретает в рассказе особый смысл. Этот дом – убежище и крепость главной героини, преображающаяся именно тогда, когда Душечка начинает отдавать свою деятельную силу любви. Оленька родилась в этом доме, в нем же, по всей видимости, завершит свой земной путь. Более того, судьба ее дома разворачивается как бы параллельно с судьбой героини. В момент встречи и начала общения с первым мужем, антрепренером и содержателем увеселительного сада «Тиволи», расположение дома Оленьки способствует ее размышлениям о Кукине: «Дом, в котором она жила о дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке, недалеко от сада «Тиволи»...» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 364]. Когда Кукин уезжает в Москву набирать

труппу, а Пустовалов ездит в Могилевскую губернию за лесом, Оленька ждет и первого, и второго мужа *дома*. Собственно так она дожидается и ветеринара, уехавшего навсегда, но вернувшегося в когда-то оставленный дом. Исследователи творчества Чехова даже отмечают, что текст рассказа построен «наподобие стихотворного»: «строфы, части располагаются относительно симметрично» [Петренко, Штайн, 2018, с. 388].

Е. В. Попова справедливо отметила, что «рассказ „Душечка” принадлежит к числу тех чеховских произведений, в которых отношение автора к герою глубоко скрыто» [Попова, 2011, с. 58]. Исследовательница отмечает, что многие упрекают героиню Чехова в том, что она становится копией того, кого любит, не имеет своего «я». Но при этом Е. В. Попова справедливо считает, что чеховский комизм касается не героини, а ситуации: «Вторя словам мужа, Оленька не изменяет самой себе в поступках...» [Попова, 2011, с. 59]. Душечка у Чехова так же интуитивно и поженски исполняет свою функцию помощницы мужа, верной и заботливой жены, как выполняет свою функцию в рассказе ее дом. История «привлечения» Кукина связана с домом: «...Когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 364]. История счастливой и размеренной жизни с Пустоваловым передается в том числе благодаря образу дома, достатка, продуманного хозяйства: «...а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень до двора и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни – рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 367].

Смерть второго мужа делает Оленьку затворницей, которая выходит из дома редко, однако тут Чехов также мастерски иронизирует по поводу поведения героини. Автор пишет о черном платье Душечки и сравнивает ее с монашенкой, между тем, сравнение это условное. Героиня уже нашла новое увлечение, которое пока держит в секрете, и дом Оленьки хранит уже новую тайну – ее любовь к ветеринару, до времени скрываемую от людей ставнями. Максимальный параллелизм к описанию женщины-хозяйки и ее дома видим мы во время полного упадка, внезапно становится заметно, что и дом, и героиня поста-

рели: «Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела, подурнела; летом она сидит на крыльчке, а зимой она сидит у окна и глядит на снег» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 370].

Очень точно психологически и символически (в продолжение реализации линий истинного предназначения женщины и дома) описано в рассказе возвращение Смирнина. Оленька не сдерживает слез, а потом они с ветеринаром оба не замечают, *как входят в дом, садятся пить чай*. Женская нежность и забота для героини свойственна в той же степени, как и для ее дома – функция уюта, пристанища. Кульминация рассказа приходится на момент возвращения Смирнина и сдачи ему Оленькой дома: «Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, господи, да я с вас ничего не возьму, – заволновалась Оленька и опять заплакала. – Живите тут, а с меня и флигеля довольно» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 371]. Смысл жизни для этой женщины заключается в любви, в стремлении быть полезной, нужной. И преобразается она вместе с домом: «На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоясь, ходила по двору и распорядилась» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 371]. В награду за труды и женскую любовь, героиня, не имеющая детей, воспитывает Сашеньку.

Рассказ Чехова «Душечка», включенный Толстым в «Круг чтения», позволил писателю проиллюстрировать главное назначение женщины. К теме женской судьбы как особенно важной в «Круге чтения» Толстой вернулся еще раз – в декабре. Прочитываем одну из записей от 1 декабря: «Ничто так не свойственно женщине, как самоотвержение. И ничто так не отталкивает от нее, как себялюбие» [Толстой 1928–1958, т. 42, с. 295]. По Толстому, женщина превосходит мужчину в самоотвержении в любви, в этом ее удивительная сила. (Примечательно, что в позднем творчестве Толстой на первый план выведет не эпического героя, а именно *эпическую героиню*, способную к максимальному самоотвержению и альтруизму – такой он изобразит Марью Павловну Щетинину в романе «Воскресение» [Андреева, 2021, с. 69–74]. Именно беззаветную и искреннюю женщину мастерски показывает читателям Чехов, используя для раскрытия характера и сущности героини в рассказе «Душечка» образ дома, который через представление о функциональных свойствах каждого объекта

позволяет писателю вывести нас к глобальной мысли о *предназначении женщины* и – шире – *предназначении человека*. «Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас тот, кто послал нас в жизнь. То ли мы делаем?» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 15].

Итак, в рассказе «Душечка» образ дома, потомственного места обитания, прочно связан с фигурой главной героини. Т. В. Быковская справедливо отмечает, что «Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той эмоциональной тональности, что воспоминания о доме: они нас волнуют больше, чем можно предположить. Образ дома является одним из главных „феноменов психики“». Он обладает необыкновенной психологической емкостью: при формировании образа дома память и воображение неразделимы» [Быковская, 2013, с. 404]. Внимательный читатель рассказа понимает, что все изменения в жизни Оленьки и ее домика связаны отнюдь не с внешними историческими или общественными причинами, но с трансформациями в судьбе самой героини. При эмоциональных переменах в жизни Душечки ее дом, как и женская любящая сущность героини, остаются своего рода константами действительности.

В целом жизнь героини движется как бы *по кругу*: рассказ Чехова соответствует и идейно, и по форме всей книге «Круг чтения». Однако было бы ошибкой думать, что смена мужей Оленькой составляет циклический процесс: героиня, проживая каждый из отрезков жизни и отдавая всю себя очередному избраннику, поднимается над условностью быта, преобразается, за счет искренней любви прикасается к вечности. Очень интересна в этом плане запись Толстого в дневнике от 26 августа 1904 г., содержащая два упоминания: о смерти С. Л. Толстого и о работе над «Кругом чтения»: «Сережа умер. Тихо, без сознания, выраженного сознания, что умирает. Это тайна. <...> Открылось новое, лучшее. Также, как и мне. Дорога, важна степень просветления, а на какой она ступени *в бесконечном кругу*, безразлично. Два дня работал над календарем, уясняется. Но еще трудно» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 83]. Образ календаря, над которым работал писатель, сопрягается с бесконечным движением души.

В «Круге чтения» (в записи от 21 января) приводится рассуждение о путях преодоления зла в человеке. В этой небольшой заметке Толстой (как и далее Чехов в «Душечке») проводит

образную параллель между человеком и домом: Если бы мы увидели, что человек вместо того, чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, ... мы сказали бы, что он сумасшедший» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 48]. Яркий и нестандартный прием сопоставления дома и человека призван показать силу, необходимую для исправления: для ремонта дома нужна физическая сила, сноровка, а для исправления человека – сила духовная. Толстой подчеркивает то, что человеку по силам, и этот объем действий метафорически изображается на примере *работы по строительству дома*: «избавиться от зла в себе – прикрыть свою крышу, вставить свои окна – в нашей власти», а утопические замыслы передаются писателем на примере непосильного для человека: «...А искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распоряжаться тучами» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 48].

Пример людского единения и братского отношения в рассказе «Первое горе»

В недельном чтении от 16 июня (неделя с 10 по 16 июня) помещен Толстым рассказ Л. А. Авиловой «Первое горе», а в недельном чтении за 30 июня (неделя с 24 июня по 30 июня) рассказ «Ягоды» самого писателя – в обоих этих произведениях представлены яркие картины усадебной жизни. Писатель, по всей видимости, не случайно помещает оба текста в июньские дни «Круга чтения», ведь июнь – время самого разгара дачно-усадебной жизни.

Л. А. Авилова была талантливейшей писательницей, достаточно популярной в XIX в. Её рассказ «Первое горе» понравился Толстому. По всей видимости, интерес Толстого в 1904 г. к творчеству Л. А. Авиловой был связан с письмом самой писательницы, обращенным к Толстому с просьбой прислать ей несколько строк для сборника, подготавливаемого ею в пользу жертв войны. В ответном письме от 27 февраля 1904 г. Толстой сообщал: «Я очень помню Вас, Лидия Алексеевна, и ваши хорошие рассказы и очень жалею, что не могу исполнить Вашего желания. Я всем отказываю и потому не могу не оскорбив сделать исключения» [Толстой, 1928–1958, т. 75, с. 53]. А 25 сентября 1904 г. Толстой писал И. И. Горбунову-Посадову об июньских материалах «Круга чтения»: «Ягоды – поправил. <...> В рассказе Авиловой я позволил себе маленькие

изменения и сокращения. Попросите ее разрешить и простить меня» [Толстой, 1928–1958, т. 76, с. 34].

Сюжет рассказа «Первое горе» не сложен, но интересен, писательница передает психологию ребенка, его взаимоотношения с родителями, няней, кучером Игнатом: мальчик Гриша впервые сталкивается с несправедливостью – с осуждением фактически безвинных людей (кучера Игната и его жены), которым пришлось выйти из сложной жизненной ситуации. Действие рассказа происходит в усадьбе, в которую хозяева приезжают на лето. Стройность произведения во многом обеспечивается единством места действия – перед нами предстает усадебный дом с разными комнатами, конюшней, со своим распорядком дня и устроенной жизнью, которая передается глазами маленького героя. Гриша, «господское дите», как называет его няня, выбирает себе в друзья взрослого мужика – кучера Игната, проводит с ним в конюшне целые дни. Отца и мать мальчик видит преимущественно за обедом: «Отец всегда был занят, мать целыми днями сидела у себя в спальне и считалась нездоровой» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 406]. Гриша успевает побывать всюду: он ластится к матери, слушает разговоры старших за столом. Комнаты, коридор, балкон, девичья, детская – читатель вслед за маленьким героем путешествует по усадебному дому: «Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался к стене, держась обеими руками за грудь» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 410].

В рассказе изображены взаимоотношения хозяев усадьбы со слугами: и те, и другие изображены людьми чуткими, понимающими: «Игнат служил в усадьбе первый год, но очень быстро сошелся с маленьким барином, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 404]. Со слов кучера читатель узнает, что он переменял не одно место службы: раньше был у господ Луховских, а потом жил у купца. В рассказе Игната резко противопоставляются два вида службы – у дворян и у купцов. Работа у дворян представлена в рассказе в самых положительных и добрых тонах: не смотря на подчеркиваемое превосходство господ, Игнат и Матрена не чувствуют себя униженными. Гриша пытается заступиться за своего друга Игната и его жену, когда тех арестовывают за кражу лошади. Сердце маленького героя переполняется обидой, но сил для борьбы с несправедливостями у него пока нет. Гриша негодует

даже на собственного отца, допускающего арест Игната. Между тем, хозяева усадьбы являются людьми верующими, готовыми прийти на помощь ближним, а при этом законопослушными. Провожая арестованных слуг, господа берут на себя ответственность по воспитанию их девочки Польки, причем ни барин, ни барыня не приемлют унижения одних людей перед другими: в сцене прощания Матрена падает барыне в ноги, а барыня сама опускается на колени рядом с работницей.

А. А. Тулякова выделяет в «Круге чтения» *этические ситуации*, «которые больше всего занимают Толстого и обязательно коррелируют с Евангелием» [Тулякова, 2018, с. 39]. Каждая этическая ситуация, по мнению исследовательницы, иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами, которые А. А. Тулякова называет микросюжетами или дублетными сюжетами, «поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же „этической ситуации”» [Тулякова, 2018, с. 39]. Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» антитетичны в плане изображения усадебной жизни и поведения господ – хозяев имений. Проблема правильных взаимоотношений господ и слуг, просящих о помощи и помогающих, взаимной помощи была поднята Толстым в записях «Круга чтения» от 25 марта: «Всякий человек пользуется трудами других людей, и потому для того, чтобы не быть вором, надо самому трудиться и отдавать другим людям свои труды за то, что берешь от них» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 193]. В одной из последующих записей Толстой непосредственно обращается к теме неправильного отношения богатых к трудящимся, к прислуге: «Ни на чем так не видно наше непризнание христианства, как на нашем отношении к прислуге. Люди отдают всё свое время на служение нам, исполняя за нас самую грязную, неприятную и бессмысленную работу, и мы большею частью думаем, что мы в расчете с ними, если отдали установленные деньги. Но ведь они братья наши...» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 194]. Таким образом, помещая рассказ «Первое горе» в «Круг чтения», Толстой не только предлагал читателю обратить внимание на проблему несправедливого суда над невинными людьми, но и показывал положительный пример христианского, братского отношения господ к своим слугам. Такому отношению учат родители Гришу, причем учат собственным примером высокой духовной жизни.

А. В. Седов называет «Круг чтения» «манифестом толстовства» и пишет: «...Можно ожидать, что в нем авторское понимание социальной справедливости представлено в наиболее завершенном виде» [Седов, 2016, с. 25]. Однако перед нами отнюдь не манифест, нельзя согласиться с А. В. Седовым и в том, что в «Круге чтения» реализовано какое-то специфическое толстовское учение. Аккумулированные писателем воззрения выдающихся мыслителей разных веков и народностей, разных вероисповеданий, как точно отмечает С. Ю. Николаева, были соединены воедино благодаря «преображающей и примиряющей силе толстовского таланта» [Николаева, 2019, с. 42]. В «Круге чтения» внешнее, материальное подчинено духовной жизни, первостепенность которой подчеркивается и исподволь, и прямо: «Для человека, полагающего свою жизнь в духовном совершенствовании, не может быть страха перед внешними событиями» (запись от 1 мая) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 295]. Думающий и чуткий читатель, попавший в «Круг чтения», уже не выйдет из него прежним: идея совершенствования связывается Толстым с покаянием и примирением: «Толстой видит весь мир именно сквозь призму человека, его интересов», а «разные чтения, посвященные разного рода достоинствам и недостаткам, свойственным людям, в совокупности, по замыслу Толстого, должны дать представление о человеческой природе в целом и о том моральном облике, который свойственен современникам автора» [Карлик, 2012, с. 149–150].

Усадебное пространство и мотив отдыха в рассказе «Ягоды»

Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» находятся в книге недалеко друг от друга: кроме того, что это июньские зарисовки летней усадебно-дачной жизни, композиционное расположение рассказов, по всей видимости, должно было способствовать обнаружению читателями контрастов: образ жизни и отношение к окружающим дворян в рассказе «Первое горе» кардинально отличается от жизни господ в рассказе «Ягоды».

Уже в самом начале произведения читатель сталкивается с градацией всего живого в окружении человека по принципу истинности / ложности. Перед нами предстают как бы три (или даже четыре) круга жизни, изолированных друг от друга, но при этом составляющих единое целое, жизнь с ее многочисленными сцеплениями. Первый абзац произведения посвящен природе, описанию трав, кустов и птиц – всего того, что суще-

стует в правильных ритмах, заданных природой. Во втором абзаце речь идет о крестьянском труде, ключевыми становятся глаголы, обозначающие действия, движение людей и находящихся рядом с ними домашних животных, постоянный труд: «Крестьяне доделывают постройки», «скотина голодает на высохшем пару», «ребята стерегут лошадей», «бабы таскают из леса мешки травы», «девки и девочки... собирают ягоды и носят продавать дачникам» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 450].

Третий и четвертый абзацы, посвященные дачникам и состоятельным господам, контрастируют с первыми двумя. Образы дачной жизни сопровождают мотив отдыха, красивой иллюзии, внешнего обмана, а также образы чистоты и новизны: «Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками в легких, чистых, дорогих одеждах...» (курсив автора статьи); «У великолепной дачи Николая Семеныча с башней, верандой, балкончиком, галереями – всё свеженькое, новенькое, чистенькое – стоит ямская с бубенцами тройка (курсив автора статьи).

Прием контраста, использованный автором во вступлении, реализуется и далее при построении рассказа, разделенного на две части, иллюстрирующие господскую и крестьянскую жизнь. Усадебное пространство в рассказе «Ягоды» представлено достаточно ярко: перед нами оказываются хозяин с женой Мари и его друг, приехавший погостить всего лишь на день. Далее Толстой подробно обращается к описанию установленной жизни и распорядка богатых помещиков – из рассказа мы узнаем, что гостит у хозяина известный либеральный деятель, петербуржец и чиновник, а сам Николай Семеныч «владеет многими тысячами десятин земли» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 451].

Описывая времяпрепровождение господ, Толстой показывает искусственно создаваемые сложности и эксплуатацию ими других людей без доброго отношения к этим людям. Роскошь дачной жизни большого помещика и бессмысленность трат подчеркивается в описании обеда: «Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды 40-рублевого повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром. Покушали только ботвинью ледяную с свежей белорыбичей и разноцветное мороженое в красивой форме и разукрашенное разными сахар-

ными волосами и бисквитами» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 451].

В разное время суток герои рассказа заняты, но времяпрепровождение господ связано исключительно с говорением: сначала мы видим разговор за столом во время обеда, после обеда – приятную беседу друзей: «После обеда приятели сидели на веранде, прохладяясь холодным нарзаном с легким белым вином, и беседовали» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 451]. Внезапно между друзьями завязывается горячий спор о выборах, но он прерывается вечерним чаем «в защищенной сетками от муж столовой» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452]. Далее снова начинается общий разговор, причем ведется он только для приличия: хозяйку Мари этот разговор не занимает, она думает о приболевшем ребенке, но начинает говорить о декадентской живописи, гостю этот разговор не интересен, но он внешне поддерживает его, создавая иллюзию осведомленности и заинтересованности. Хозяин дома уже наизусть знает рассуждения жены, чувствует ее плохое настроение, и ему становится скучно.

Описывая течение господской жизни, Толстой разоблачает иллюзию существования, лишённого труда. С наступлением вечера дети укладываются спать, и вот тут начинается уже *настоящий разговор* (хотя читатель рассказа прекрасно понимает бессмысленность всей болтовни господ): «Лакей подал свечи с колпаками и еще нарзану, и начался около двенадцати часов уж настоящий, оживленный разговор о том, какие должны быть приняты государственные меры в настоящее, важное для России время. Оба не переставая курили, разговаривая» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452]. Мы не будем подробно останавливаться на описании крестьянской жизни, изображенной во второй части рассказа и представляющей разительный контраст с жизнью господ. Но кроме антитезы дворянского и крестьянского образа жизни в рассказе «Ягоды» есть интересный эпизод со стариком-ямщиком и образы слуг, позволяющие читателю провести параллели между фигурами разных господ в двух рассказах. Если в «Первом горе» изображены помещики, жалеющие слуг и воспринимающие их фактически на равных, то в «Ягодах» представлены равнодушные эксплуататоры. Н. А. Гаврилина отмечает, что в публицистических статьях позднего периода творчества Толстой саркастически писал о возможной помощи господ народу [Гаврилина, 2016, с. 259]. В «Круге чтения», как мы видим, Толстой показывает плюса жизни, разных людей, но не случайно Нико-

лай Семеныч изображен писателем не как помещик средней руки, а как очень крупный землевладелец – писатель дает нам понять, что Николай Семеныч фактически выступает вершителем судеб множества крестьян и подчиняющихся ему людей.

Читатель рассказа осознает, что все разговоры господ о будущем России, о лучшем пути лишь блажь, поскольку ни хозяин, ни хозяйка, ни гость в рассказе «Ягоды» не готовы задуматься, даже просто вспомнить о людях, которые на них работают, отпустить для отдыха старика-ямщика: «Снаружи, за воротами дачи побрякивали бубенчиками ямщицкие лошади, стоявшие без корма, и то зевал, то храпел тоже без корма сидевший в коляске старик ямщик... Когда уж с разных дач стали перекликаться петухи... ямщик усомнился, не забыли ли его, сошел с коляски и вошел в дачу. Он видел, что его седок сидел и пил что-то и в промежутках громко говорил» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452].

Заключение

В целом образы усадебной жизни представлены в «Круге чтения» в положительном аспекте, они связаны для Толстого с жизнью на земле, с естественным трудом, с преображением человека и его общением с миром природы. Усадебный быт подразумевал, по мнению писателя, домашнюю и спокойную жизнь, семейные ценности, осознание преемственности и связи с другими людьми. Тема усадебной жизни в «Круге чтения» включается одновременно в разные оппозиции: ярко просматривающаяся общественная и социальная проблематика («Если я родился на земле, то где же моя часть? Будьте так добры, господа этого мира, покажите мне мой лесной участок..., мое поле..., мою усадьбу» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 248]) отступает у Толстого на второй план, уступая место проблеме приближения к истинной любви: «Только деятельное, нравственное, духовное, глубокое и религиозное сознание придает жизни всё ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем неба» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 134].

Библиографический список

1. Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома : КГУ, 2016. 492 с.
2. Андреева В. Г. Образ эпической героини в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филология и культура. 2021. №2 (64). С. 68–75.

3. Авилова Л. А. Первое горе // Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984. URL: http://az.lib.ru/a/awilowa_1_a/text_1906_pervoe_gore.shtml

4. Быковская Т. В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 402–408.

5. Гаврилина Н. А. Взгляды Л. Н. Толстого на социальные проблемы российского общества в 80–90-е гг. XIX в. // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах. Тула: ТГПУ им. Л. Толстого. 2016. С. 254–260.

6. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Москва : Захаров, 2002. 652 с.

7. Гордович К. Д. Тема дома, усадьбы, дачи в произведениях А. Чехова // Чеховские чтения в Ялге. Симферополь : Максима, 2012. С. 28–31.

8. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1907–1909. Москва : Худ. лит., 1973. 464 с.

9. Гусев Н. Н. Круг чтения. История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. С. 557–584.

10. Гусев Н. Н. Душечка. А. П. Чехова // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. Т. 42. С. 609–610.

11. Гусев Н. Н. Послесловие к рассказу Чехова «Душечка» Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. Т. 42. С. 610–612.

12. Карлик Н. А. Афористика Л. Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения». Санкт-Петербург : Государственная полярная академия, 2012. 225 с.

13. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника. Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль : ЯГПУ, 2001. 156 с.

14. Николаева С. Ю. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев в восприятии Л. Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 41–50.

15. Петренко Д. И., Штайн К. Э. Проза А. П. Чехова: метапоэтика и поэтика. Ростов-на-Дону : ИП Попов К.Р. «Полиграф-Сервис», 2018. 416 с.

16. Попова Е. В. К вопросу об авторской позиции в рассказе А. П. Чехова «Душечка» // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. Специальный выпуск № 1. С. 57–61.

17. Седов А. В. Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2016. С. 24–29.

18. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.

19. Тулякова А. А. Читатель на распутье: «дублированные сюжеты» в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Вест-

ник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39–44.

20. Чехов А. П. Душечка // Чехов А. П. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Москва : Худ. лит., 1986. С. 293–303.

Reference list

1. Andreeva V. G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka = On the national identity of the Russian novel in the second half of XIX century. Kostroma : KGU, 2016. 492 s.
2. Andreeva V. G. Obraz jepicheskoj geroini v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» = The epic heroine in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy // Filologija i kul'tura. 2021. №2 (64). S. 68–75.
3. Avilova L. A. Pervoe gore = The first grief // Avilova L. A. Rassказы. Vospominanija. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1984. URL: http://az.lib.ru/a/awilowa_1_a/text_1906_pervoe_gore.shtml
4. Bykovskaja T. V. Pojetika doma: obrazy vnutrennego prostranstva cheloveka = Poetics of the home: images of the human internal space // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. № 4. S. 402–408.
5. Gavrilina N. A. Vzgljady L. N. Tolstogo na social'nye problemy rossijskogo obshhestva v 80–90-e gg. XIX v. = Tolstoy's views on the social problems of Russian society in the 80-90s of XIX century // Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennyh kul'turnyh diskursah. Tula : TGPU im. L. Tolstogo. 2016. S. 254–260.
6. Gol'denvejzer A. B. Vblizi Tolstogo = Near Tolstoy. Moskva : Zaharov, 2002. 652 s.
7. Gordovich K. D. Tema doma, usad'by, dachi v proizvedenijah A. Chehova = The theme of the house, the estate, the dacha in A. Chekhov's works // Chehovskie chtenija v Jalte. Simferopol' : Maksima, 2012. S. 28–31.
8. Gusev N. N. Dva goda s L. N. Tolstym. Vospominanija i dnevnik byvshego sekretarja L. N. Tolstogo. 1907–1909 = Two years with Leo Tolstoy. Memories and the diary of Leo Tolstoy's former secretary. 1907-1909. Moskva : Hud. lit., 1973. 464 s.
9. Gusev N. N. Krug chtenija. Istorija pisanija i pechatanija = A Calendar of Wisdom. The history of writing and printing // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. S. 557–584.
10. Gusev N. N. Dushechka. A. P. Chehova» = Darling by A.P. Chekhov // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. T. 42. S. 609–610.
11. Gusev N. N. Posleslovie k rasskazu Chehova «Dushechka» L. N. Tolstogo = The afterword to Chekhov's story «Darling» by Leo Tolstoy // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. T. 42. S. 610–612.
12. Karlik N. A. Aforistika L. N. Tolstogo: sbornik mudryh myslej «Krug chtenija» = Leo Tolstoy's aphorism: a collection of wise thoughts «A Calendar of Wisdom». Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaja poljarnaja akademija, 2012. 225 s.
13. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. Paradoksy hudozhnika. Osobennosti stilja L. N. Tolstogo v 1870–1890 gody = Paradoxes of the artist. Features of Tolstoy's style in 1870-1890. Jaroslavl' : JaGPU, 2001. 156 s.
14. Nikolaeva S. Ju. F. I. Tjutchev i I. S. Turgenev v vosprijatii L. N. Tolstogo (kniga «Krug chtenija») = F. I. Tjutchev and I.S. Turgenev as perceived by Leo Tolstoy (The book «A Calendar of Wisdom») // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2019. № 1 (60). S. 41–50.
15. Petrenko D. I., Shtajn K. Je. Proza A. P. Chehova: metapojetika i pojetika = Chekhov's prose: metapoetics and poetics. Rostov-na-Donu : IP Popov K.R. «Poligraf-Servis», 2018. 416 s.
16. Popova E. V. K voprosu ob avtorskoj pozicii v rasskaze A. P. Chehova «Dushechka» = On the author's position in A. P. Chekhov's story «Darling» // Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2011. Special'nyj vypusk № 1. S. 57–61.
17. Sedov A. V. Osmyslenie problem social'noj spravedlivosti v «Kruge chtenija» L. N. Tolstogo = Understanding the problem of social justice in Leo Tolstoy's «A Calendar of Wisdom» // Problemy social'noj spravedlivosti i sovremennij mir. Cherepovec : Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2016. S. 24–29.
18. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in 90 vols. Moskva : Hud. lit., 1928–1958.
19. Tuljakova A. A. Chitatel' na rasput'e: «dubletnye szuzhety» v «Kruge chtenija» L. N. Tolstogo = The reader at a crossroads: «doublet plots» in Leo Tolstoy's «A Calendar of Wisdom» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430. S. 39–44.
20. Chehov A. P. Dushechka = Darling // Chehov A. P. Sobr. soch. v 2 t. T. 2. Moskva : Hud. lit., 1986. S. 293–303.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.